РУССКІЯ СКАЗКИ
Казака
Луганскаго

СКАЗКА ПЯТАЯ,

о похожденіяхъ чорта–послушника, Сидора Поликарповича, на морѣ и на сушѣ, о неудачныхъ соблазнительныхъ попыткахъ его, и объ окончательной пристройкѣ его, по части письменной.

**ОДНОКАШНИКАМЪ МОИМЪ,
ПАВЛУ МИХАЙЛОВИЧУ
НОВОСИЛЬСКОМУ
И
НИКОЛАЮ ИВАНОВИЧУ СИНИЦЫНУ.**

Идетъ рыба на блевку, идетъ и на блесну — кто наѣлся былей сытныхъ, приторныхъ, тотъ, поди, для праздника, перекуси небылицей тощей, да пряною, рѣдькой, лукомъ, стручковатымъ перцемъ приправленною! Истина нахальна и безстыдна; ходитъ, какъ мать на свѣтъ родила; въ наше время какъ–то срамно съ нею и брататься. Правда — собака цѣпная; ей только въ конурѣ лежать, а спусти, такъ уцѣпится, хоть за кого! Быль — кляча

норовистая; это кряжъ–мужикъ; она и рѣдко шагаетъ, да твердо ступаетъ, а гдѣ станетъ, такъ упрется, какъ корни пуститъ! Притча — дѣло любезное! Она неряхою не ходитъ, розинею не прикидывается, не пристаетъ какъ съ ножемъ къ горлу; она, въ праздникъ, выйдетъ, снарядившись, за ворота, сядетъ отъ бездѣлья на заваленку — кланяется прохожему всякому смѣло и привѣтливо — кто охочъ и гораздъ, узнавай окрутника; кому не до него — проходи, какъ мимо кружки, будто не видишь, что люди по пятаку кидаютъ! Вольному воля, а спасеному рай; а чужая совѣсть — могила; за каждой мухой не угоняешься съ обухомъ, и мой окрутникъ за тобою не погонится!

Въ Олонецкой губерніи, сказываютъ, много камня дикаго и много болота мокраго — тамъ вышелъ однажды мужикъ попахать. Пустилъ онъ соху по низовью, подъ скатомъ, такъ попалъ было въ топь такую, что насилу вылѣзъ; выдрался съ сохой онъ на горку, такъ напоролъ и вызубрилъ сошникъ о булыжникъ неповоротливый; а когда догадался поискать суходолья, такъ вспахалъ его и засѣялъ. Это не сказка, а присказка, а сказка будетъ впереди!

Сатана, не самый старшій, всегда лично въ первопрестольномъ градѣ своемъ царствующій, а одинъ изъ приспѣшниковъ и нахлѣбниковъ его, одинъ изъ чертей

послушниковъ, праздновалъ именины свои; а звали того чорта Сидоромъ, и Сидоромъ Поликарповичемъ. На пирушкѣ этой было народу много, всѣ веселились честно и добропорядочно; плясали пляски народныя и общественныя, не какъ у насъ, на ногахъ, а скромно и чинно, на головѣ; играли въ карты и выѣзжали всѣ на поддѣльныхъ очкахъ; расплачивались, по курсу, фальшивыми ассигнаціями, самой новой, прочной, англійской работы, неуступающей добротою настоящимъ; но все это дѣлалось, говорю, мирно и ужиточно. Вдругъ входитъ человѣкъ, въ изодранномъ форменномъ сертучишкѣ — кто говорилъ, что это хорунжій, отставленный три раза за пьянство и буянство; кто говорилъ, что это небольшой класный чиновникъ; а кто увѣрялъ, что это отставной клеркъ, унтеръ–баталеръ, а можетъ быть и подшхиперъ. Не успѣлъ онъ почтить собранія присутствіемъ своимъ, какъ въ тотъ же мигъ ввязался въ шашни миролюбивыхъ посѣтителей, и не откладывая дѣла и расправы, ударилъ на нихъ въ кулаки. Люблю молодца за обычай! Да и не дѣтей же съ ними крестить стать! Чортъ–именинникъ, какъ хозяинъ, сунулся было разнимать, но какъ, отъ перваго русскаго леща, у него въ ушахъ раздался трезвонъ въ семь колоколовъ съ перезвономъ, на языкѣ и горько и кисло стало, а изъ глазъ искры посыпались

градомъ, такъ онъ присѣлъ и присмирѣлъ. Гости расползлись по домамъ, по вертепамъ своимъ, и храбрый воитель и побѣдитель нашъ остался пировать одинъ, какъ тетеревъ на току.

Дуракъ ты, сказалъ настоятель, сатана–староста, Сидору, когда этотъ пришелъ къ нему плакаться на бѣду свою, дуракъ круглый и трусъ, и худой, какъ я вижу, намъ слуга, когда жалѣешь для службы нашей шкуры своей и пары другой зубовъ! Тебя, вижу я, надобно въ черномъ тѣлѣ держать! ты бы обрадовался находкѣ да послѣдилъ ее; я давно вамъ, неизворотливымъ, сказывалъ, что мнѣ чиновные озорники и проидохи почетные нужны, чтобы вы ихъ сманивали да зазывали, а вы, знай ходите поджавши хвосты, какъ смиренники! Вы у меня какъ–то всѣ отъ рукъ отбились: погоди, я васъ пригну къ ногтю! Изволь ты у меня отправиться на землю, извѣдать на дѣлѣ сушь и глубь и бытъ гражданскій и военный, и взять осѣдлость тамъ, гдѣ для оборотовъ нашихъ окажется повыгоднѣе; да прошу, безъ всякихъ отговорокъ, служить, какъ люди служатъ, не для поживы и личныхъ выгодъ, а для блага и пользы общей нашей, не щадя ни живота ни крови.

Сидоръ Поликарповичъ вылѣзъ изъ преисподней, сталъ ногами на твердую землю, и оглядывался кругомъ на просторѣ: съ него еще паръ валилъ, какъ съ

московскаго баньщика, и онъ все еще не сбилъ оскомину послѣ вчерашней переквашенной русской закуски; а сверхъ того сплечился немного, въ задней лѣвой ногѣ, когда выбирался изъ пропасти преисподней, а потому прихрамывалъ и сѣлъ отдохнуть.

Плохое житье наше, подумалъ онъ про себя; съ тѣхъ поръ, какъ нашего брата съ неба спихнули, всѣ обижаютъ; всякой ярыга дулю подноситъ и по ушамъ хлещетъ! Свались только ты, такъ и подобьютъ подъ ноги, а станешь вставать, оправляться, такъ подзатыльниковъ и не оберешься! Народъ умудряется и просвѣщается со дня на день, и безхвостое это племя за все берется, во все ввязывается: подъ землю подрывается, бороздитъ по морю, креститъ по воздуху, — не присвой я себѣ жару, огня яраго, такъ бы и не было у меня своего краснаго уголка, нечѣмъ было бы передъ ними похвалиться! Бьешься, бьешься, какъ рыба объ ледъ, а поживы мало, часомъ и харчи не окупаются!

Онъ оглянулся кругомъ, поводилъ рыломъ во всѣ стороны, а онъ, какъ добрый гончій, искалъ верхнимъ чутьемъ, вздохнулъ горько и сказалъ: итти добро промышлять отселѣ подальше — здѣсь, въ этой землѣ, за причетомъ нашимъ, и босымъ, и постриженымъ, приступу нѣтъ; они и безъ нашего брата управятся!

Онъ всталъ и пошелъ на востокъ, ибо вылѣзъ изъ земли на самомъ крайнемъ западѣ, на взморьѣ, подъ крутымъ берегомъ, гдѣ конецъ свѣта и выдался мыскомъ въ море крайній клокъ земли, нашей части свѣта. Шелъ онъ, шелъ, долго ли, коротко ли, ведромъ ли, погодкой ли, а дошелъ до страны отъ насъ западной, пригишпанской, королевства задорнаго; а обитаютъ въ королевствѣ томъ люди неугомонные, неужиточные, родятся въ нихъ замыслы несбыточные. Тамъ–то Сидоръ нашъ встрѣтилъ отрядецъ солдатъ, на привалѣ. Солдаты тѣ пришли изъ странъ сѣверныхъ, необозримыхъ, пространствомъ морю прилежащему, ледовитому, равныхъ; перешли путемъ земли многоязычныя и отдыхали отъ трудовъ и утомительнаго перехода. Чортъ подсѣлъ къ нимъ, и началъ разспрашивать ихъ: куда ребятушки идете?

— Идемъ мы, куда Макаръ телятъ не гоняетъ, куда воронъ костей твоихъ не занесетъ; идемъ подъ Стукаловъ монастырь, пить да гулять, а не сиднемъ сидѣть, играть въ мяча чугуннаго, грызть орѣхи каленые–ядреные; идемъ хлѣбомъ–солью гостей чествовать, сажать бокомъ–ребромъ на прилавки желѣзные, узкіе–граненые; за скатерти браныя травчатыя–муравчатыя, за столы земляные, поить до упаду, хмѣльнымъ–багрянымъ виномъ, опохмѣлять закусками ручными–

орѣховыми; приговаривать: не ходи одинъ, ходи съ батюшкою; припѣвать: не тебѣ, супостату, на орла нашего сизаго, на царя нашего бѣлаго, руку заносить окаянную! Кому пиръ, а кому миръ — а кому суждено, разбредемся–сляжемъ по землянкамъ даровымъ, не купленнымъ, по зимовьямъ не просторнымъ, низенькимъ; — нашему брату жизнь — копейка, голова — наживное дѣло! Идемъ пожить весело, умереть красно!

И гладко строгаетъ, и стружки кудрявы! подумалъ чортъ, Сидоръ Поликарповичъ. Дай, еще съ нимъ потолкую, авось, не будетъ ли поживы!

— А что, служивый, чай здѣсь житье ваше привольное, хорошее?

— Въ гостяхъ хорошо, а дома лучше, отвѣчалъ гренадеръ.

— Здѣсь дѣвушки хороши, намекнулъ чортъ.

Гренадеръ. Много хорошихъ, да милыхъ нѣтъ!

Чортъ. Хороши, да не милы! Сбыточное ли это дѣло?

Гренадеръ. У насъ, не пль хорошу милъ, а по милу хорошъ!

Чортъ. Такъ что же вы милыхъ покинули, а зашли къ немилымъ?

Гренадеръ. Не пилъ бы, не ѣлъ, все на милую глядѣлъ — да слезою моря не наполнишь, кручиною поля не изъѣздишь, а супостата вашего крестомъ да молитвою не

изведешь; стало быть садиться казаку на коня, а нашему брату браться за пищаль, да за щупъ!

Чортъ. Да вы, господа кавалеры, волей или неволей сюда зашли?

Гренадеръ. Наша воля — воля царская; за него животы наши, за него головы!

Чортъ. Поглядишь на вашего брата, такъ жалость донимаетъ! Кабы на мою немудрую голову — что бы, кажись за радость въ такой веригѣ ходить! Покинулъ бы честь и мѣсто, да и поминай какъ звали меня самого!

— А тебя самого — разпазить, да навозъ возить! отвѣчалъ ему гренадеръ. — Какой этотъ сторожкой! подумалъ чортъ, Сидоръ Поликарповичъ; пойду къ другому! Дай пристану тутъ къ заносному племени этому; къ нимъ и ходить далеко, и проживать холодно. Здѣсь, во странѣ пригишпанской, западной, сручнѣе будетъ мнѣ съ ними побрататься; а тамъ — чѣмъ отзовется, попытаюсь, съ ними вмѣстѣ, и до ихъ земли добраться!

Нашъ новобранецъ, изъ вольноопредѣляющихся, присталъ, служилъ и ходилъ подъ ружьемъ, терпѣлъ всю бѣду солдатскую, перемогался, но — крѣпко морщился! Ему въ первыя сутки киверомъ на лбу мозоль намяло пальца въ полтора; отъ желѣзнаго листа, въ воротникѣ, шея стала неповоротливѣе, чѣмъ у сѣраго волка; широкою перевязью

плеча отдавило, ранцемъ чуть не задушило, тесакомъ икры отбило! Солдату, говоритъ, три деньги въ день, куда хочешь, туда ихъ и дѣнь; вѣниковъ много, да пару нѣтъ, а мылятъ, такъ все на сухую руку! У солдата шило брѣетъ, а шубы нѣтъ, такъ палка грѣетъ! — Эти поговорки пріѣлись мнѣ, какъ сухой ячмень беззубой кобылѣ, уходили меня, какъ кающагося грѣхи; это не по мнѣ! Семь недѣль, какъ въ великій постъ, голодомъ сиди, семь недѣль мозоли сбивай, покуда разъ, да и то на тощахъ, угодишь подраться да поживиться! Что мнѣ за неволя въ такомъ хомутѣ ходить! Стану жить я по своему.

Сказано, сдѣлано. Полкъ вышелъ къ смотру, у всѣхъ и ранцы и аммуниція исправны, а у нашего Сидора ни кирпичика форменнаго, ни ваксы сухой, ни воску, ни лоску, пуговицы не чищены, нитокъ въ чемоданчикѣ, на показъ, ни сѣрыхъ ни бѣлыхъ! — Сидоръ Поликарповичъ думалъ переиначить всю службу по своему, да и опростоволосился крѣпко! Ему это отозвалось такъ круто и больно, что онъ, забывъ всѣ благіе совѣты и наставленія старосты–сатаны, бросилъ все, и службу, и ранецъ, и ружье и суму, проклялъ жизнь и сбѣжалъ. Онъ удиралъ трои сутки безъ оглядки, набилъ плюсны и пятки, и присѣлъ наконецъ подъ липку, перевести духъ. Не успѣлъ онъ еще опамятоваться, какъ вдругъ увидѣлъ передъ собою человѣка

невысокаго росту, въ низкой треугольной шляпѣ безъ пера, въ разстегнутомъ сѣромъ сертукѣ, длинной жилеткѣ, въ ботфортахъ, который стоялъ сложивъ руки на груди и выставивъ лѣвую ногу впередъ, и разглядывалъ по очереди всѣ отдаленныя, черезъ долъ и лѣсъ пролегающія дороги, и былъ, казалось, въ нерѣшимости, которую ему избрать. Чортъ Сидоръ подошелъ, обнюхалъ незнакомца кругомъ, въ одно ухо ему влѣзъ, въ другое вылѣзъ, и узналъ такимъ образомъ всѣ помышленія и замыслы его. Въ это время вдругъ подлетѣлъ латникъ съ косматымъ шлемомъ, и, указывая назадъ, донесъ, что онъ опять уже видѣлъ, мелькомъ, пики на красныхъ и синихъ древкахъ и нагайки. Тотъ кинулся на коня и помчался стрѣлой; и нашъ Сидоръ, смекнувъ и разгадавъ дѣло, едва успѣлъ сунуть ему за пазуху письмо, которое онъ, пригнувшись на корточкахъ, за заднею лукою сѣдла всадника, написалъ, и которое, при сей вѣрной оказіи, вздумалъ отправить во тму окромѣшную, къ командиру своему, сатанѣ–старостѣ, чтобы извѣстить его о плохихъ успѣхахъ своихъ и проситься домой. Сидоръ не колдунъ, да угадчикъ; письмо его запоздало нѣсколько, это правда, но оно, застрахованное, дѣйствительно дошло наконецъ до мѣста и передано всадникомъ, съ рукъ на руки, старостѣ–сатанѣ, настоятелю Стопоклепу

Живдираловичу; вотъ оно, отъ слова до слова:

Письмо, отъ чорта послушника, Сидора Поликарповича, къ сатанѣ–старостѣ, Стопоклепу Живдираловичу, писанное на землѣ, во странѣ пригишпанской, западной, и отправленное во тму окромѣшную при вѣрной оказіи, съ человѣкомъ невысокаго росту въ треугольной шляпѣ безъ пера.

Старостѣ нашему, Стопоклепу Живдираловичу, отъ послушника его и нахлѣбника Сидора Поликарповича, нижайшій поклонъ; Супругѣ его, Ступожилѣ Помеловнѣ, отъ усерднаго поклонника ея, Сидора Поликарповича, многая лѣта и нижайшій поклонъ; Тещѣ его, вѣдьмѣ чалоглазой, Каргѣ Фоминишнѣ, по прозванію Рѣдечной теркѣ, нижайшій, отъ насъ же, поклонъ и всякая невзгода мірская; равномѣрно и сожительницѣ нашей драгоцѣнной, Василисѣ Утробовнѣ, поклонъ и супружеское наше приказаніе, заднимъ числомъ со дня отлучки нашей, пребыть намъ вѣрной; дѣткамъ нашимъ, сыновьямъ: Кулаку, Зарѣзу и Запою, дочерямъ: Мохнашкѣ и Сивухѣ, родительское наше проклятіе на вѣки нерушимое и поклонъ; брату нашему: Искусу Поликарповичу и сожительницѣ его, Чумѣ Цареградовнѣ, дядѣ нашему: Тузу бубновому подъ крапомъ и сожительницѣ его, Кралѣ червонной

золотообрѣзной, а равно и всей преисподней, нижайшій поклонъ нашъ и всякая неправда мірская и нечистыя дѣла и соблазны — желаемъ имъ всякое наитіе замысловъ нечестивыхъ и успѣхъ и воздаяніе сторицею, за понесенные труды и бѣды — а о себѣ скажемъ, что мы, благодаря ходатайству старосты нашего, Стопоклепа Живдираловича, и процвѣтающимъ въ краяхъ здѣшнихъ глупостямъ и вздорнымъ пакостямъ людскимъ, еще въ живыхъ и здравствуемъ, хотя всѣ посильныя наши попытки доселѣ еще мало понесли за собою плодовъ, и много мы бѣдствій земныхъ на себѣ испытали, и осталася за нами одна только надежда, что новое предпріятіе наше принести намъ долженствуетъ успѣхъ вящшій и жатву обильную, душегубительную. А вышли мы изъ преисподней, во странѣ бѣдной науками и художествами и просвѣщеніемъ, гдѣ блаженствуютъ наши, и босые и постриженные, на краю свѣта, — почему и сочли мы за лишнее основать здѣсь пребываніе наше, а отправились черезъ горы высокія, снѣжныя, на Востокъ, и обрѣли тамъ людей, наклонныхъ къ дури и пакостямъ, самодовольныхъ и безсовѣстныхъ; почему, разсудивъ также, что оные люди рукъ нашихъ не минуютъ, раздавали мы имъ только значки, трехцвѣтные и бѣлые, для основанія

междоусобій; а потомъ и намѣревались держать путь свой еще далѣе на Востокъ, какъ дошло до насъ свѣдѣніе, что нахлынули, отъ странъ сѣверныхъ люди, дюжіе тѣломъ и крѣпкіе духомъ, имъ же нѣсть числа, а страна ихъ ледовита и ими любима; и заложилъ, во время оно, преставившійся Царь ихъ, а нашъ первѣйшій врагъ, столицу свою въ землѣ непріятельской, и довершили ее наслѣдники Царя того и потомки, вопреки стараніямъ и покушеніямъ нашимъ; а древнюю столицу свою, до которой нѣтъ намъ приступу отъ великаго множества церквей, коихъ числится сорокъ сороковъ, — отстояли они нынѣ снова и подняли на дымъ, дабы не досталось въ руки иноплеменникамъ двадесяти языковъ, подъ предводительствомъ подручника нашего на царя и землю ихъ покусившихся; и уморили они тѣхъ иноплеменниковъ захожихъ голодомъ и холодомъ, и уходили и извели оружіемъ, и написали сказку: О безпечной воронѣ, попавшейся во щи гостей голодныхъ; и слѣдили того предводителя до земли и столицы его, гдѣ мы нынѣ обрѣтаемся, и побивали его нещадно на каждомъ шагу. А посему и сочли мы за лучшую пакость подбиться къ симъ, ненавистнымъ намъ, доблестнымъ и смиреннымъ воителямъ и искусить ихъ къ совращенію съ пути повиновенія и благочестія. Но сія попытка, не смотря на

то, что, усердствуя ко благу нашему общему, не щадили мы ни плечъ своихъ, ни шкуры, обошлась намъ весьма несходно, и понесли мы отъ нее накладу болѣе, чѣмъ барышей. Есть у нихъ, напримѣръ, обычай военный, что не спрашивается: отколѣ взять, а говорится только: чтобъ было; глядишь — и есть; а чуть прогуляешь, проглядишь, такъ тотчасъ за расправу, а это вовсе не по насъ! И пуще всего невзлюбили мы у нихъ той музыки, что стучатъ въ глухіе бубны, безъ бубенчиковъ, да подъигриваютъ въ два смычка безъ канифоли, на кожаной скрыпкѣ; — испытали мы притомъ жизнь холодную и голодную, такъ, что часомъ и уведешь гдѣ нибудь быка, да негдѣ изжарить, некогда съѣсть; а по всему этому и разсудили мы наконецъ предоставить ихъ участи своей, покинуть и сбѣжать. Они же, воители тѣ, царей своихъ чтятъ свято, за землю обширную, отчасти ненаселенную и дикую, стоятъ всѣмъ оплотомъ, дружно и норовисто, а посему успѣха намъ еще ожидать должно мало. Такимъ дѣломъ извѣдали мы бытъ ихъ на сушѣ, а нынѣ намѣрены, при помощи отца–настоятеля и старосты нашего, сѣсть на корабли ихъ, здѣсь обрѣтающіеся, и держать путь, вмѣстѣ съ ними, чинно и тихо, до земли ихъ, и осмотрѣться тамъ, на мѣстѣ, не упуская удобнаго случая взять осѣдлость свою, какъ наказано намъ было, тамъ, гдѣ

окажется повыгоднѣе и попривольнѣе. О чемъ, здравствуючи, будемъ не оставлять васъ своими увѣдомленіями; а васъ просимъ усердно, находить насъ таковыми же. А писано сіе письмо къ вамъ, черезъ самого того, земли пригишпанской, западной, повелителя, нашего подручника, которому срокъ на землѣ нынѣ вышелъ уже давнымъ давно и слѣдуетъ ему явиться къ старостѣ Стопоклепу Живдираловичу, во тму окромѣшную; но, по мнѣнію нашему, востребуется послать дюжину другую разночинцевъ и послушниковъ, нашей братьи, дабы они могли уловить и увлечь съ собою того подручника нашего и представить въ преисподнюю; ибо самъ онъ, употребляя во зло долготерпѣніе наше, день за день просрочиваетъ и явиться къ мѣсту откладываетъ. А за симъ, испрашивая отъ старосты нашего и настоятеля и всей братіи послушниковъ, всякую невзгоду и проклятіе небесное и земное, остаемся, усердствующими ко соблазну общему, служителемъ и послушникомъ вашимъ

Чортомъ Сидоромъ Поликарповымъ.

Приписка. Еще увѣдомляемъ васъ и о томъ, что оныя сѣверныя страны повелитель, лишь только первый на міродавца того руку наложилъ и отстоялъ земли и народы и веси своя и избилъ всю заморскую рать его, и отобралъ все оружіе

и до тысячи огнеметныхъ литыхъ орудій, то и всѣ земли крещеныя, доселѣ міродавцу тому раболѣпствовавшія, очнулись и оперились и противу него возстали, завопили, и начали витіи велерѣчивые священнодѣйствовать и писать воззванія доблестныя и пѣсни ободрительныя войскамъ своимъ и всему народу; а понеже той сѣверной страны повелитель даровалъ милость и пощаду всѣмъ на него посягавшимъ и карать ихъ болѣе не пожелалъ, а требуетъ отъ нихъ мира и дружбы, каковое изумительное великодушіе поразило и враговъ и новыхъ союзниковъ его, то и не худо бы намъ, заранѣ, разослать въ тѣ иныя земли послушниковъ нашихъ, дабы соблазнить всѣ народы и земли крещеныя, забыть, что скорѣе, то лучше, таковое имъ оказанное безпримѣрное благодѣяніе, и заставить ихъ въ безсиліи своемъ и немощи обносить оговорами и клеветою сѣверной той страны обитателей и властителей ихъ, и мстить имъ за вышерѣченное благодѣяніе всякимъ навѣтомъ злымъ и словомъ и дѣломъ и гдѣ чѣмъ прилучится. О чемъ и прошу довести до свѣдѣнія старосты нашего и настоятеля Стопоклепа Живдираловича: ибо замѣчено нами на пути нашемъ, что наклонность къ таковымъ намъ любезнымъ пакостямъ и злодѣяніямъ таится уже въ сѣменахъ раздора многоязычныхъ племенъ тѣхъ.

Отправивъ письмо это, соскочилъ Сидоръ съ задней луки сѣдла и чуть было не повисъ въ торокахъ! Долго ль до бѣды, подумалъ онъ; о сѣрникъ споткнешься, затылкомъ грянешься, а лобъ разшибешь! Онъ присѣлъ; а какъ было уже довольно поздно и Сидоръ нашъ уморился крѣпко, то и легъ, свернулся, на утро всталъ, стряхнулся, совершилъ походъ въ одинъ переходъ, и сѣлъ на корабль у взморья.

Фортуна бона, подумалъ чортъ, Сидоръ Поликарповичъ, — а онъ думать научился по французски — фортуна бона, подумалъ онъ, когда извѣдалъ службу нашу на морѣ; я, хоть языкамъ не мастеръ, а смекаю, что тютюнъ, что кнастеръ; мои губы не дуры, языкъ не лопатка, я знаю, что хорошо, что сладко! Здѣсь жизнь разгульная и всякаго добра разливное море! Каждый день идетъ порція; водка, мясо, горохъ, масло; подъ бакомъ сказки, пляски, играютъ въ дураки и въ носки, въ рыбку и въ чехорды — рядятся въ турокъ и верблюдовъ, въ жидовъ и въ лягушекъ — спятъ на койкахъ подвѣшенныхъ, какъ на качеляхъ святошныхъ, — одна бѣда, простору мало, да работы много!

Онъ надѣлъ на себя смоленую рабочую рубаху, фуражку, у которой тулья шла кверху уже, а на околышѣ были выметаны, цвѣтными нитками, зубцы и узоры; опоясался бичевкой, привѣсилъ на ремнѣ ножъ въ ножнахъ кожаныхъ, свайку,

насовалъ въ карманы шароваръ каболки, тавлинку, кисетъ — вымазалъ себѣ рожу и лапы смолою, взялъ въ зубы трубченку безъ четверти въ вершокъ, и, проглотивъ подзатыльника два, отъ урядника, за то, что сѣлъ было курить на трапѣ, примостился смиренно къ камбузу, гдѣ честная братія сидѣла въ кружкѣ, покуривала корешки и точила лясы.

— Что скажешь, куцый капитанъ общипанной команды, повѣренный пустыхъ бочекъ? спросилъ марсовой матросъ трюмнаго; каково твои крысы поживаютъ?

— Приказали кланяться, не велѣли чваниться! отвѣчалъ тотъ.

— Не бей въ чужія ворота плетью, замѣтилъ старый рулевой насмѣшнику, не ударили бы въ твои дубиной! Вѣкъ долга недѣля, не узнаешь, что будетъ; можетъ быть доведется еще самому со шваброй ходить!

— Не доведется, Миронычъ, отвѣчалъ первый, съ форъ–марсу на гальюнъ не посылаютъ! Безъ нашего брата на марса–реѣ и штыкъ–боутъ не крѣпится!

— Не хвалися горохъ, не лучше бобовъ, проворчалъ третій; а кто намѣдни разъ пять шкаторину изъ рукъ упускалъ, покуда люди не подсобили?

— Упустишь, когда изъ рукъ рветъ — отвѣчалъ опять тотъ; вѣдь не брамсельный дулъ, а другой рифъ брали!

— У добраго гребца и девятый валъ весла изъ уключины не вышибетъ, сказалъ урядникъ съ капитанской шестерки, не хвали меня въ очи, не брани за глаза, не любуйся собой, такъ и будешь хорошъ!

— Запѣвай–ка повеселѣе какую, Сидорка, сказалъ нашему Поликарповичу сосѣдъ его; что ты сидишь — надулся, какъ мышь на крупу! Ты волей присталъ къ намъ, такъ и зазнаешься; а у насъ, вишь, неволя скачетъ, неволя пляшетъ, неволя пѣсни поетъ!

— Не свайкой пѣть, когда голосу нѣтъ! отвѣчалъ Сидоръ, оскаливъ зубы, какъ мартышка. Запѣвай–ка ты свою:

Здравствуй, милая, хорошая моя,
Чернобровая, похожа на меня!

— На тебя? спросилъ урядникъ; надо быть хороша была! Неужто и съ тобой какая ни есть слюбилась?

— Нѣтъ такого мерзавца, чтобы не нашелъ своей сквернавки, отвѣчалъ Сидорка. Кабы люди не сманили, и теперь бы со мной жила!

— Кабы нашего сокола вабило не сманило, сто лѣтъ бы на мѣстѣ сидѣлъ; подхватилъ марсовой; а какая твоя любка была, Сидорка, чернавка, или въ тебя, бѣлянка?

— Была бѣлобрысая, была и черномазая, отвѣчалъ Сидорка, было, да

быльемъ поросло! Нашему брату за вами, въ бубновыхъ платочкахъ, не угоняться!

— Да, мы таки постоимъ за своихъ, подхватилъ тотъ же марсовой, и поспоримъ, хоть съ кѣмъ, что противъ нашей, ниже у косноязычнаго француза, не найдешь, ни одной! Бывало, моя, какъ пріодѣнется, да пріумоется, такъ хоть водицы испить!

— Чистоплотенъ больно, примолвилъ Миронычъ, что за дворянинъ! Когда горохъ въ котлѣ, такъ стало быть и чистъ; брюхо не зеркало, что въ зубахъ, то и чисто!

— Горохъ горохомъ, отозвался кокъ за камбузомъ, а я въ разсолѣ изъ подъ солонины, ребята, нечего грѣха таить, наудилъ нынѣча угрей!

— Эка невидаль, отвѣчалъ Миронычъ, будто то и черви, что мы ѣдимъ: по моему такъ то черви, что насъ ѣдятъ! Смазной, да затягивай хоть ты, съ дуру, пѣсню свою, про червяка черемховаго!

— Погоди, отвѣчалъ Смазной, вишь трюмный нашъ, Спирька, задремалъ, такъ чтобъ не потревожить!

— Чего тутъ годить, на посулѣ, что на стулѣ, посидишь, да и встанешь, сказалъ опять первый.

— Встанешь, пройдешься, да и опять присядешь; отвѣчалъ тотъ — посуленое ждется; что я тебѣ за пѣсенникъ дался? Много ли васъ тутъ охочихъ до пѣсенъ моихъ? Я меньше какъ при двѣнадцати, зубовъ не оскалю и голосу не подамъ!

— И дѣло, подхватилъ марсовой; у насъ былъ, въ Касимовѣ, мѣщанинъ; какъ началъ торговать, такъ бывало на пятакъ въ день уторгуетъ, да еще два гроша сдачи дастъ — а расторговался, поднялся съ мѣлочнова на оптовой–валовой, такъ въ ниткахъ пасмы не разбиваетъ, въ варганахъ полудюжины не рознитъ!

Дудка просвистѣла на шканцахъ и осиплый голосъ прокричалъ въ форъ–люкъ: пошолъ всѣ на верхъ! Всѣ кинулись, кто въ чемъ сидѣлъ, и Сидора Поликарповича нашего, подлѣ трапу, семь разъ съ ногъ сбивали! Онъ вылѣзъ послѣднимъ и вахтенный урядникъ, сказавъ ему, что онъ скоръ какъ байбакъ, поворотливъ какъ байдакъ, спросилъ, не угодно ли прописать боцманскихъ капель? — Не все линькомъ, отвѣчалъ Сидоръ, можно и свисткомъ! — Да, можно; ворчалъ тотъ, засядете подъ бакомъ, такъ васъ оттолѣ калачемъ не выманишь, ломомъ не выломишь, шиломъ не выковырнешь! Пошолъ на марса–фалъ! Сидоръ кинулся на марса–фалъ, а его въ шею. За что? Не трёкай! Опять по шеѣ. За что? Иди ходомъ, лежи валомъ, не дергай! Кричатъ: на брасы на правую! А Сидора въ шею. За что? Не тяни безъ слова! Опять въ шею; отдай, говорятъ; отдалъ — тяни! Ну словомъ замотали бѣднаго Сидорку нашего до того, что онъ и не зналъ, куда дѣваться; куда ни сунься — урядникъ; за что ни

ухватись — линекъ! Изъ бухты вонъ! раздалось съ юту — и Сидоръ нашъ, который еще не зналъ ни бухты, ни лопаря, оглянуться не успѣлъ, какъ боцманъ отдалъ пертулинь; якорь полетѣлъ, потащилъ за собою канатъ, а съ канатомъ и Сидорку, который не успѣлъ выскочить изъ свернутыхъ оборотовъ каната, изъ бухты, и Поликарповича, въ полтрети мига, вмѣстѣ съ канатомъ, прошмыгнуло въ обитый свинцомъ клюзъ, и выкинуло подъ гальюномъ, передъ носомъ корабля! Онъ вынырнулъ, ухватился за водорѣзъ, за ватерштаги, вылѣзъ на бушпритъ и стоялъ долго, почесывая затылокъ, и оглядываясь кругомъ — такихъ проказъ онъ и во снѣ не видалъ! Онъ не могъ опамятоваться. Что за нелегкая меня сюда принесла! подумалъ онъ, присѣвъ подъ кливеромъ, у эзельгофта; тутъ замотаютъ такъ, что съ толку своротишь, изъ ума выбьешься! Попалъ я, никакъ, изъ огня, да въ воду! Какъ ни ладишь, ни годишь, а не приноровишься ни какъ къ этой поведенціи, къ морской заведенціи! Не дотянешь — бьютъ; перетянешь — бьютъ; а что и всего хуже, работа въ прокъ нейдетъ; тяни, тяни, да и отдай! Тяни, изъ шкуры лѣзь, тяни — да и отдай! что это за каторга? По моему бы, выдраилъ въ струнку, одинъ разъ, на шабашъ, закрѣпи, да и не замай! А тутъ, не успѣлъ навернуть на планку либо битенгъ, опять сымай, трави, отдавай — а тамъ —

опять тяни! На это не станетъ и силъ; у меня руки въ плечахъ оттянуло такъ, что лапы въ полъ–икры болтаются; это не шутка! А глядишь — завтра тоже, послѣ завтра опять тоже.... служи самъ настоятель, сатана–староста, когда лакомъ больно, а не я! Не охота лапъ мочить, а то бы соскочилъ сейчасъ, да и пошолъ! Терпѣть, видно, до перваго якоря, а тамъ — и чортъ не слуга!

Разсудилъ какъ размазалъ и не сталъ работать; отнѣкивался, во ожиданіи первой якорной стоянки, а между тѣмъ сталъ бурлить тихомолкомъ, задумалъ всполошить всю команду. Свистятъ: Первую вахту на верхъ! Сидорка забился на кубрикѣ гдѣ–то, сидитъ, духъ притаилъ. Кричатъ: Авралъ, авралъ! и подавно то–же; Сидорка и самъ не идетъ, и другихъ не пускаетъ! Какъ тутъ быть? Капитанъ хватился за умъ. Онъ догадался, что все это проказы заморскаго выходца, новобранца нашего, Сидора, и вздумалъ повернуть дѣломъ покруче. Свистать къ вину! закричалъ онъ вахтенному уряднику. Урядники собрались всѣ вокругъ гротъ–люка, просвистали рѣзко и согласно къ вину, вся команда вышла, и чортъ, Сидоръ Поликарповичъ, также вылѣзъ. Тогда капитанъ приказалъ его схватить, и, какъ перваго зачинщика, растянулъ его на люкъ и вспоролъ, да такъ, что съ него, съ живаго, сухая пыль пошла, что, какъ

говорится, и чертямъ тошно стало! А самъ приговаривалъ: Я тебя взялъ на службу государеву, одѣвалъ и кормилъ тепло и сытно, а ты умъ свой съ концовъ обрѣзалъ, да и въ середкѣ ничего не оставилъ, вздумалъ проказить на свою голову — закорми чушку, такъ будетъ плакаться на пролежни; — трунилъ ты надо мной, потѣшусь и я надъ тобой; проведу и я свою борозду, поставлю надъ тобою примѣръ, чтобы у тебя, съ дуру, молодецъ какой нибудь, не вздумалъ перенимать; передній заднему дорога; не задай острастки, такъ, чего добраго, черниговскаго олуха какого нибудь и оплетешь! Не я бью, самъ себя бьешь; кнутъ не мука, а впередъ наука — одинъ битый семерыхъ небитыхъ стоитъ! Это тебѣ въ задатокъ; а если расплачиваться на чистую съ тобою доведется, такъ знай, что дѣло пойдетъ въ ростъ! Тогда не пеняй!

Чортъ Сидоръ Поликарповичъ, вырвавшись отъ жару такого, какого и у себя дома, въ преисподней, не видывалъ, кинулся со всѣхъ ногъ черезъ кранбалку и уцѣпился за одну лапу якоря, который только что былъ отданъ и летѣлъ въ воду, пошелъ съ нимъ ко дну и впился мертвымъ зубомъ въ илистый, вязкій, подъ плитнякомъ, грунтъ морской; — а когда, на другой день, судно стало сыматься съ якоря, и чорта нашего едва было не достали со дна морскаго, то онъ, въ бѣдѣ

неминучей, перегрызъ зубами канатъ, у самаго рыма, и боцманъ съ баку закричалъ: Палъ шпиль! лопнулъ канатъ, щебнемъ перетерло и конецъ измочалило! Чортъ съ нимъ, и съ якоремъ, подумалъ баковый матросъ, котораго выпороли за одно съ Сидоркою, у нашего царя якорей много, всѣхъ не переломаешь! По крайней мѣрѣ избавились отъ новобранца этого неугомоннаго, что пришелъ изъ странъ пригишпанскихъ, западныхъ, и сѣлъ кстати, какъ вахлакъ на мослакъ!

Такимъ образомъ чортъ Сидоръ Поликарповичъ пропалъ, вторично, безъ вѣсти; считался годъ со днемъ въ бѣгахъ и наконецъ изъ списковъ по сухопутному и морскому вѣдомству выключенъ. Поминаютъ объ немъ старослуживые, съ тремя шевронами, поминаютъ, какъ Царя Гороха да Ивашку, бѣлую рубашку! Чортъ Сидоръ пропалъ, концы схоронилъ и слѣдъ простылъ! Какія приключенія и похожденія проходилъ и извѣдалъ онъ на днѣ морскомъ, мореплаватель ли какой, со всѣмъ причетомъ и пожитками своими, моремъ хладнымъ объятый и во мракѣ багровомъ, до искупленія своего, по дну морскому крейсирующій, или другой кто, приняли–пріютили, наставили и научили Сидорку нашего — этого я и не зналъ, да позабылъ; а у меня память такая куриная, что, чего не знаешь, того и не помнишь! Знаю только, что вскорѣ послѣ того, какъ

сбылось съ Сидоркою разсказанное въ сказкѣ нашей приключеніе и похожденіе, сталъ показываться оборотень какой–то въ кудрявыхъ и прописныхъ Азахъ, коими расчеркиваются чиновные и должностные наши. — Онъ, Сидорка, то роги выставитъ, то ногой лягнетъ; то когти покажетъ, то языкъ высунетъ, то хвостомъ, какъ мутовкой, пыль взобьетъ, — а самъ, съ той поры, никогда и никому болѣе въ руки не дается и на глаза не показывается; удавалось правда, изрѣдка, сбить ему рогъ, такъ выросталъ опять новый, покруче перваго; посадили ему было, какъ–то, языкъ въ лещедку, такъ онъ за перо; — и видѣлъ его, цѣлкомъ, одинъ только сватъ мой Демьянъ, да и то во снѣ! Сидитъ, сказывалъ, лоскутъ краснаго, чернилами испятнаннаго сукна подостлавши, затираетъ чернильные орѣшки съ купоросомъ, съ камедью — чинитъ перья скорописчики — ножечки подтачиваетъ, смолку, на подчистку, изготовляетъ; — сватъ Демьянъ подошелъ было къ нему, съ дуру, во снѣ, хотѣлъ поглядѣть на него, такъ тотъ накормилъ его палями, напоилъ чернилами, да началъ было на него писать, на листѣ форменнаго формата, доносъ; — такъ мой Демьянъ отъ него отрекся, отчурался; я, говоритъ, ни воръ, ни пьяница, въ домостроительствѣ не замѣченъ, такъ во мнѣ, для тебя, хоть ты двадцать стопъ испиши, ни русла, ни ремесла; человѣкъ я

маленькій, полуграмотный, шкурка на мнѣ тоненькая, да и та казенная — пишу я по казацки, супостата, шашкою по затылку, коня донскаго нагайкою по ребрамъ; такъ ты отвяжись, и не пятнай доброй славы моей, чтобы всякъ могъ говорить и нынѣ, какъ говаривали встарь:

Козакъ душа правдивая,
Сорочки немае —
Коли не пье, такъ воши бье,
Таки не гуляе!

Чортъ Сидоръ Поликарповичъ задалъ еще, никакъ, острастку кумѣ Соломонидѣ — а впрочемъ остался при хлѣбномъ и тепломъ ремеслѣ своемъ и при мѣстѣ — онъ выписалъ изъ преисподней супругу свою, Василису Утробовну, сыновей: Кулака, Зарѣза и Запоя, дочерей: Мохнашку и Сивушку, и живетъ съ ними припѣваючи! Онъ доходами и самъ сытъ и подушное, за себя, и за всю семью свою, по послѣдней ревизіи, сатанѣ–настоятелю, Стопоклепу Живдираловичу, уплачиваетъ, а супругу его, Ступожилу Помеловну, дарилъ неоднократно, къ праздникамъ, камачею, камкою, ожерельями и платками; мѣста же своего покинуть не думаетъ, а впился и въѣлся такъ, что его теперь уже не беретъ ни отваръ, ни присыпка!

Вотъ вамъ сказка гладка; смекай, у кого есть догадка; кто охочъ, да не гораздъ, тотъ

поди, я съ нимъ, глазъ на глазъ, еще потолкую; — а кто гораздъ, да не охочъ, тотъ прикуси языкъ, да отойди прочь!